

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 17

№ 1 · 2016

ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ МИРА ЧЕЛОВЕКА¹

Знаков В. В.

Знаков Виктор Владимирович, Институт психологии РАН, 129366, Россия,
Москва, Ярославская ул., 13. Эл. почта: znakov@psychol.ras.ru

В статье доказывается, что человек одновременно существует в разных реальностях — эмпирической, социокультурной и экзистенциальной — и понимает их на неодинаковых психологических основаниях. Описано содержание конструкта «понимание мира человека». Осуществлен психологический анализ понимания событий и ситуаций социокультурной реальности. Обосновано, что такая реальность не существует вне представления людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, люди тем самым творят реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности. Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Описана сущность социокультурного подхода в социогуманитарных науках. Показано, что в XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности, выделены три магистральных направления изменений: 1) переосмысление роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды; 2) замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой; 3) возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе.

Ключевые слова: понимание, мир человека, социокультурная реальность, сетевая организация знаний, множественность презентация Я.

Современные психологи вслед за С. А. Рубинштейном понимают «мир человека» как такую соотношенную с людьми совокупность вещей и явлений, которая представляет собой организованную иерархию различных способов человеческого существования. В самом общем виде «мир» — это понятие, «обозначающее совокупное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010). Мир — это бытие, изменяемое действиями, человеческой активностью. Активность проявляется в сознании, деятельности, мыслях, поступках, созерцании, постижении. Эти проявления активности человека представляют собой не только средства преобразования бытия, но и выражение подлинно человеческих способов существования. Для психологии одним из главных способов является специфика понимания мира субъектом.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-06-00334 «Субъектно-аналитический подход к психологии понимания».

Мир человека состоит по меньшей мере из трех реальностей — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной (Знаков, 2012; Знаков, 2014). Понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия строится на неодинаковых психологических основаниях.

Понимание мира человека

Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (брата, что такое ускорение, логарифм) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. Например, телезрителям было понятно, почему люди разбегаются в разные стороны, когда они увидели телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универмагов в Хабаровске. Понятно потому, что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия кинофильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?», а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи. Получается, что, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в статье.

Цель статьи — психологический анализ понимания социокультурной реальности.

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержания индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности! Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещиности

(то, что в античной философии обозначалось как *res*); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004).

«Социокультурный» — значит обусловленный социальными и культурными причинами. В отечественной психологии понятие «социокультурный» является важным элементом научного тезауруса ведущих российских психологов (Асмолов, 2012; Соколова, 2015). Социокультурный подход отличен и от социального, и от культурного. Для психологов после Л. С. Выготского понятие «социокультурный» звучит как привычное и до банальности знакомое. Однако оказывается, что в социогуманитарных науках, прежде всего в социологии и культурологии, социокультурный подход начал формироваться только в XXI в. В современной психологии развитие социокультурного подхода в значительной степени стимулируется формированием представлений о сетевой парадигме (Зеленкова, 2007) и сетевом принципе организации знаний (Гусельцева, 2015). В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы — коммуникационный, организационно-структурный, матрично-программный и др. Главная причина трансформаций — закрепление в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности по А. В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. «В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое — атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение — все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность» (Закс, 2015).

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, В. А. Петровский характеризует обыденное сознание как когнитивный хаос — множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и непротиворечиво уживающихся друг с другом (Петровский, 2010). В психологических исследованиях самопонимания обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной — они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего — неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например: «Я — это... совокупность противоречий: я — плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же

время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» (Cook-Greuter, 1994). Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт по сути может существовать как продолжение другого. Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направлении психологических исследований — аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта. Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля (Nisbett et al., 2001).

Согласно социокультурному подходу, в социогуманитарных науках социальный анализ направлен на интерпретацию соотношения индивидуального и социального субъектов, т.е. людей и тех общностей, социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, в психологии социального познания познающим субъектом является группа (Андреева, 2009). Иные акценты расставляются в культурологических описаниях мира человека. Согласно энциклопедии культурологии «социокультурная система» — это «термин, используемый в социальной антропологии и культурологии в качестве альтернативы терминам “социальная система” и “культурная система”» (Николаев, 1998). По существу в названном понятии отражено неразрывное единство социальных и культурных сторон единой социокультурной реальности. При этом общество воплощает в себе единство социальности и культуры. Культура, согласно Н. И. Лапину, представляет собой совокупность способов и материальных, и духовных результатов деятельности человека. Культура для людей служит *программой* деятельности. Социальность — это совокупность *отношений* каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами. Отношения (экономические, политические, социальные, психологические) тоже формируются в деятельности. «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия» (Лапин, 2000).

В социокультурной реальности так же, как в эмпирической, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец

А. В. Суворов умер 18 мая 1800 года»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В. М. Аллахвердов в 2012 г. в телепрограмме “Культурная революция” утверждал, что юнговского коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с...) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т.п. Социокультурные факты зависели от способов их познания тогда, когда люди впервые их получали и осмысливали. Однако после фиксации на каком-либо носителе они стали такими же объективными, как природные объекты: независимыми от специфики их понимания индивидуальными и коллективными субъектами.

В психологии сущность социокультурного подхода определяется стремлением исследователей рассматривать мир человека как такое единство культуры и социальности, которое возникает и преобразуется в результате человеческой деятельности. В отличие от социологов, культурологов и других ученых для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на мнениях людей и порождаемых ими смыслах событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации — это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в разных теориях.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их

понимания является «социальная система фреймов» (Гофман, 2003). Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т.е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимания социальных фактов.

Социокультурная реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». Так же, как эмпирическая реальность, социокультурная не существует отдельно от людей. Социокультурную реальность невозможно построить и описать без языка и понимания, потому что она порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется, или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания (Степин, 2000) одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, не сводимые к одному единственно возможному смыслу. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий. Во-вторых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов.

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной экономической теории товар — это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой — цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена — это превращенная форма стоимости, а деньги — особый товар...» (Кошовец и др., 2015).

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом со-

бытия понимаются людьми как действительные. Достаточно вспомнить мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживающем Бейкер-стрит, даже были вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

В XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности.

Можно выделить *три* магистральных направления изменений.

Первое направление реализуется в переосмыслении роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды. Второе направление изменения представлений: замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой. Третье направление: возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе (Петрова, 2013).

Первое, «символическое», направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности ясно представлено в трудах М. Кастельса о влиянии информационной эпохи на экономику, общество и культуру. Он пишет: «Таким образом, реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной — она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения. Именно эта способность всех форм языка кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретаций и отличает культурные выражения от формального / логического / математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать друг с другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных. Так, когда критики электронных СМИ утверждают, что новая символическая среда не отражает реальности, они подсознательно ссылаются на примитивное до абсурда понятие «некодированного» реального опыта, который никогда не существовал. Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» (Кастельс, 2000).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью,

направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности символа проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через разворачивание своей идентичности» (Федоров, 2012). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (Федоров, 2012). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т.п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Второе направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности — появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека. Новые возможности определения человека, пересмотра взглядов на его социальную природу не допускают жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности.

Один признак сетевой структуры заключается в перемещении фокуса внимания ученых-гуманитариев с самодостаточных определяемых в исследовании объектов (партии, здоровье, образование и т.п.) на соотношения между ними: «Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как динамической системы с высокой степенью нестабильности» (Зеленкова, 2007).

Другой признак сетевой структуры мира человека — не подчинение, а равнозначное взаимодействие множества ее компонентов. Это означает равноправное существование множества виртуальных, коллективных, личных пространств и времен в социокультурной реальности. В современных социогуманитарных науках непротворечно совместно существуют три релятивистских версии обоснования закономерной множественности мира человека. *Эпистемологический* релятивизм основан на убеждении, что знание в одной культуре так же хорошо, как знание в другой. Вследствие этого нет серьезных оснований считать, что

один подход сколько-нибудь лучше другого. *Этический* релятивизм говорит о том, что разные этические системы ситуативно обусловлены и локальны: нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты лучше ваших. Наконец, *политический* релятивизм: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим (Ло, 2015). Если перейти к более конкретному психологическому изучению человека, то и в нашей науке обнаруживается та же множественность. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении (Фриндте, Келер, 2000), множественной личностной и этнической идентичности (Тучина, 2013), множественном характере онтологии человеческой жизни (Кимберг, 2009) и т.д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример: «Я просто не выношу людей, которые... Что значит “не выношу”?! Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверены в себе, умны и т.д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» (Cook-Greuter, 1994).

Третий признак сетевой структуры — такое новое понимание мира человека, фундаментом которого оказывается знание как взаимосвязанная сеть понятий и моделей. В психологии такое понимание воплощается в сетевом принципе организации знаний, а точнее — в ситуативно-сетевом анализе (Гусельцева, 2015). Вот как он описывается автором: «Сетевой подход характеризуется подвижностью, асимметричностью и ситуативностью анализа: в зависимости от исследовательской задачи и выбранного ракурса (методологических предпосылок, исследовательских установок, настройки методологической оптики) по ходу исследования здесь может изменяться системообразующее основание (как таковое оно отсутствует); исследование скользит в неизвестность, подстраиваясь под изменяющуюся реальность» (Гусельцева, 2015). Следовательно, в сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом: в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности.

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа организации, является анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). В ходе данного направления изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется в западной психологии применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kekäle, 2011), здравоохранению (Kessel et. all, 2011), службам занятости (Kohansal et. all, 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описа-

ния исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания — неотъемлемая часть опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности накопленные опыт и знания могут быть созданы надолго и иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Другое направление исследований — психологический анализ свойств личности и проявлений активности пользователей социальных сетей Интернета. Интернет является очень значимой составляющей социокультурной реальности. Неудивительно, что в нашей науке заметное место занимают психологические исследования виртуальной реальности (Асмолов, Асмолов, 2009; Войскунский, 2010; Селиванов, Селиванова, 2015; Солдатова, Рассказова, 2013). Сетевая природа Интернета, множественность виртуальных пространств, в которых реализуют себя пользователи социальных сетей (Рябикина, Богомолова, 2015), для психологов являются стимулами конкретно-содержательного наполнения сетевого принципа организации знаний. Например, в одном из недавних исследований показано, что пользователи, проявляющие высокую активность в социальных сетях, характеризуются высокой общительностью, но они безынициативны в межличностных отношениях, ожидают большей инициативы и эмоциональной вовлеченности со стороны партнеров. Им присущи стремление понравиться и отслеживание производимого впечатления. У них выражены тревожность, сниженный самоконтроль при высоком уровне самоактуализации и склонности к экспериментированию (Богомолова, 2015). Такого рода данные, как правило, сами по себе обладают признаками сетевой структуры: каждый результат имеет собственное уникальное значение, и нельзя сказать, что один из них более значим, чем другой. При интерпретации их под разными углами зрения они раскрывают различные стороны психологического портрета пользователя.

Наконец, в этом контексте нельзя не упомянуть об использовании психологами сетевого анализа. Он дает возможность ученым изучать один и тот же социальный объект под неодинаковыми углами зрения, селективно подключать или отключать разные компоненты при изменении фокуса исследовательского

внимания и значимости отдельных элементов сетевой структуры. Примером может служить осуществленный Дж. П. Резером и С. Мансером сетевой анализ осмысления американцами событий 11 сентября 2001 г. (Reser, Muncer, 2004). Они построили схематическую сеть в виде матрицы, в которой отражены следствия (теракт, ослабление роли США в мировом сообществе и др.) и причины, которыми многие испытуемые объясняют произошедшее (развитие конфликта на Ближнем Востоке, американская внешняя политика, расовые и национальные предрассудки, личностные особенности террористов и т.п.). Техника анализа учитывала сложные цепи рассуждений, в которых предшествующие эффекты формировали причины последующих. Из матрицы ответов испытуемых видно, что испытуемые полагают, что предыдущие исторические и культурные различия привели к предрассудкам и расистским мировоззрениям, которые направляли поступки людей, ставших зачинщиками событий 11 сентября. Авторы называют это дистантными причинами с индивидуальными агентами и человеческими эмоциями как прямыми ближайшими причинами. В матрице представлены сильно выраженные связи между степенью авторитарности личности и верой в справедливый мир: люди с высоким авторитаризмом чувствуют себя намного более безопасно в угрожающих ситуациях, если они верят в справедливый мир (Reser, Muncer, 2004).

Третье направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности — новые акценты в анализе самопознания, самопонимания и заботы о себе. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе — заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время эти идеи находят воплощение, в частности, в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Классическая педагогика является телеологичной, она характеризуется направленностью на получение знаний, раскрытие обучаемым своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоение форм субъектности, лежащих в основе определенной професси-

ональной практики. «Обучение во многом представляет собой поиск своего “Я”, своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самоидентичность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования» (Корбут, 2004).

В современной психологической науке одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во все нарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. В научных публикациях на русском языке это отражено в большом массиве работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке, пожалуй, наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в трех направлениях: Psychological mindedness, Self-Construal и Self-understanding. В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Название первого направления, Psychological mindedness (Beitel et. all, 2005), трудно перевести на русский язык. В самом общем виде это «психологизация». Этой категорией обозначается интерес человека к своим чувствам, готовность понять себя, свои мысли и мотивы поведения. Вместе с тем в ней отражен аналогичный интерес к «модели психического» (Сергиенко, 2014) других людей, стремление к обсуждению своих и чужих психологических проблем.

Self-Construal (Grace, Cramer, 2003). Как показали непростые лингвистические изыскания, наиболее точным и адекватным предмету психологических исследований переводом этого понятия является «самоистолкование», т.е., говоря более современным языком, — «самоинтерпретация». Динамическая самоинтерпретация субъекта осуществляется на основе совокупности мыслей, чувств и действий, формирующихся и развивающихся у него во взаимоотношении с другими людьми. Западные психологи (DeCicco, Stroink, 2007; Singelis, 1994) теоретически и эмпирически выделили три типа самоинтерпретации. Взаимонезависимая самоинтерпретация реализуется в таком способе понимания себя, который осуществляется в мыслях о своей уникальности, осознании личностью себя как целостного и стабильного Я, отделенного от социального контекста. Взаимозависимая самоинтерпретация — этот способ самопонимания выражается в конструировании субъектом представления

о себе как члене определенной социальной общности, идентификации себя с группой, понимании себя через соответствие нормам и ценностям группы. Металичностьная самоинтерпретация изначально направлена на более широкий контекст психологического анализа, чем только внутриличностный и межличностный. Металичностьная самоинтерпретация — это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, человечества и даже космоса.

Self-understanding. Самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий. В социогуманитарных науках сегодня все большее распространение получает точка зрения, согласно которой самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир. Понимая что-то, человек понимает самого себя. Только на основе понимания себя он способен понять что-то другое. По мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005).

Указанные направления психологических исследований являются продуктивными и научно значимыми. Однако с сожалением приходится констатировать, что за редким исключением (Cook-Greuter, 1994) они проводятся в рамках телеологического подхода. Между тем более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т.е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. «Научиться жить в “хаосе” как “порядке” — это и означает проявлять постоянную “заботу о себе”, самостоятельно себя искать — искать свой собственный стержень. В условиях снятия внешней власти образование человека осуществляется в отношениях власти над собой, власти как “заботы о себе”, как созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. “Создай самого себя” — так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа “Познай самого себя”» (Петрова, 2013). Психологической иллюстрацией сказанного могут служить высказывания двух испытуемых: «Образование... — в данный момент означает для меня развернутый процесс конструирования знания о мире»; «Образование... — все люди понимают его по-разному. Для меня это бесконечный, непрекращающийся процесс пересмотра своих представлений о мире» (Cook-Greuter, 1994).

Заботу о себе ни в коем случае нельзя отождествлять с эгоистическим самолюбованием, откровенно эгоцентрической направленностью субъекта. Заботясь о себе, человек также постоянно переосмысливает действительность, включающую других людей, живущих в мире человека. В этой статье нет места для подробного обсуждения психологических аспектов феномена «заботы о себе» и его связи с конструированием субъектности, это предмет анализа в следующей публикации.

Итак, современные представления о смысловой структуре социокультурной реальности включают указания на ее зависимость от психологии понимающего субъекта, на принципиальную множественность дискурсивных высказываний, сетевую структуру описываемого мира и заботу о себе как самотрансформацию и самопорождение субъектности. Все это психологи должны учитывать при изучении понимания мира человека.

Библиографический список

1. Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. В Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковская (ред.) *Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой* (с. 376–396). Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
2. Асмолов, А.Г. (2012). *Оптика просвещения: социокультурные перспективы*. Москва: Просвещение.
3. Асмолов, А.Г., Асмолов, Г.А. (2009). От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире. *Вопросы психологии*, (3): 3–15.
4. Богомолова, Е.И. (2015). *Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета: автореф...* дис. канд. психол. наук. Краснодар.
5. Войскунский, А.Е. (2010). *Психология и интернет*. Москва: Акрополь.
6. Гусельцева, М.С. (2015). *Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: дисс...докт. психол. наук*. Москва.
7. Закс, Л.А. (2015). Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки*, 3 (143): 88–101.
8. Зеленкова, Т.В. (2007). О сетевой парадигме в психологии. *Методология и история психологии*. 2 (3): 18–27.
9. Знаков, В.В. (2012). Многомерный мир человека: типы реальности, понимания и социального знания. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*, (3): 18–29.
10. Знаков, В.В. (2014). Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека. *Вопросы психологии*, (4): 16–29.
11. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Москва: ГУ ВШЭ.
12. Кимберг, А. Н. (2009). «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования. В А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров (ред.) *Психология*

- человека в современном мире, Т. 4. (с.26–33). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
13. Корбут, А.М. (2004). Образовательная субъективность и «технологии себя». *Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе* (с.122–134). Минск: БГУ.
 14. Кошовец, О.Б., Фролов, И.Э., Чусов, А.В. (2015). Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки. *Философия и общество*, (1): 156–176.
 15. Лапин, Н.И. (2000). Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. *Социологические исследования*, (7): 3–12.
 16. Ло, Д. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука*. Москва: Изд-во Института Гайдара.
 17. Макаров, В.В. (2004). Онтологическая природа социальной реальности. *Известия Волгоградского государственного технического университета*, (7): 5–12.
 18. Мудрик, А.В. (2010). *Социализация человека*. Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК.
 19. Николаев, В.Г. (1998). Социокультурная система. В С. Я. Левит (ред.) *Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2.* (с.224). Санкт-Петербург: Университетская книга.
 20. Петрова, Г.И. (2013). Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе». *Вестник Томского государственного университета*, 12 (140): 131–134.
 21. Петровский В. А. (2010). *Человек над ситуацией*. Москва: Смысл.
 22. Рябикина З.И., Богомолова Е.И. (2015). Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей Интернета с особенностями их активности в сети. *Научный журнал КубГАУ*, 109 (05): Режим доступа <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf>
 23. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2003). *Знание о прошлом: теория и история*. В 2-х т. Т. 1: *Конструирование прошлого*. Санкт-Петербург: Наука.
 24. Селиванов, В.В., Селиванова, Л.Н. (2015). Эффективность использования виртуальной реальности в обучении в юношеском и взрослом возрастах. *Непрерывное образование: XXI век*. 1 (9): Режим доступа <http://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=2729>
 25. Соколова, Е.Т. (2015). Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд. *Психологические исследования*, 8 (40): Режим доступа <http://psystudy.ru>.
 26. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2013). Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки. *Психологический журнал*, 4 (34): 79–88.
 27. Степин, В.С. (2000). *Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция*. Москва: Прогресс-Традиция.
 28. Сухачев, В. Ю. История без субъекта (1997). *Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета*, (3): 28–42. Санкт-Петербург: Алетейя.
 29. Тучина, О.Р. (2013). *Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход*. Краснодар: Изд-во КубГУ.
 30. Федоров, Н.А. (2012). Психологические потенциалы символа. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, (1): 24–30.

31. Фриндте, А., Келер, Т. (2000). Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении. В А. М. Войскунский (ред.) *Гуманитарные исследования в Интернете* (с.40–54). Можайск: Терра.
32. Фуко, М. (2014). Мужество истины. *Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука, 2014.
33. Beitel, M., Ferrer, E. & Cecero J. J. (2005). Psychological mindedness and awareness of self and others. *Journal of Clinical Psychology*, (61): 739–750.
34. Cook-Greuter, S.R. (1994). Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults. In M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter (eds.) *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* (p. 119–143). London: Rowman and Littlefield Publishers.
35. DeCicco, T.L. & Stroink, M.L.(2007). A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self. *International Journal of Transpersonal Studies*, 26 (1): 82–104.
36. Frohlich, V. (2005) Sich selbst verstehen? In Bittner G. (Hrsg.). *Menschen verstehen: Wider die "Spinnewebn dogmatischen Denkens"* (s. 35–42). Wiirzburg: Konigshausen & Neumann.
37. Grace, S.L. & Cramer, K.L. (2003). The elusive nature of self-measurement: The self-construal scale versus the twenty statement test. *Journal of Social Psychology*, 5 (143): 649–668.
38. Kekäle, T. (2011). Knowledge sharing among scientists. *Journal of Workplace Learning*, 7 (23): 483–484.
39. Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21): 147–157.
40. Kohansal, M.A., Alimoradi, Z. & Bohloul, S.M. (2013). The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance. *International Journal of Business Performance Management*, 3 (14): 293–306.
41. Lauring, J. & Selmer, J. (2012). Knowledge sharing in diverse organisations. *Human Resource Management Journal*, 1(22): 89–105.
42. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychol. Rev.*, 2 (108): 291–310.
43. Rafaeli-Mor, E., Gotlib, I.H. & Revelle, W. (1999). The Meaning and Measurement of Self-Complexity. *Personality and Individual Difference*, (27): 341–356.
44. Reser, J.P. & Muncer, S. (2004). Sense-making in the wake of September 11th: A network analysis of lay understandings. *British Journal of Psychology*, (95): 283–296.
45. Singelis, Th.M. (1994). The measurement of independent and interdependent Self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5, (20): 580–591.
46. Yu, D. & Zhou, R. (2015). Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value. *International Journal of Higher Education*, 2 (4): 214–224.

Статья поступила в редакцию 14.10.2015.

SOCIOCULTURAL REALITY SUBJECT'S UNDERSTANDING OF THE WORLD OF A HUMAN

Znakov V. V.

Znakov Viktor Vladimirovich, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya str., 13. E-mail: znakov@psychol.ras.ru

The work has been done under the Russian Humanitarian Scientific Fund project
№ 16-06-00334 "Subject-analytical approach to psychology of understanding".

The article proves that a human exists in various realities at the same time — empirical, sociocultural and existential ones — and understands them on different psychological bases. There is described the content of such a construct as "understanding of the world of a human". Psychological analysis of understanding of sociocultural reality events and situations was carried out. It is reasonably believed that such a reality does not exist beyond people's understanding of it and every description of sociocultural reality is its element at the same time. When understanding, creating the meanings of propositions, arguments, opinions, emerging while communication, people create reality. If there is no understanding, there is no sociocultural reality. This reality is derived from consciousness and mind of those, who perceive and comprehend it. The article describes the essence of sociocultural approach in socio-humanistic sciences. It is shown that in XXI century socio-humanistic sciences underwent radical changes in scientific beliefs on sociocultural reality nature, three mainstreams of the changes were distinguished: 1) rethinking of symbols role in understanding any reality, particularly virtual environment; 2) replacement of the logics of rationally organized world of a human with network structure; 3) formation of "self-generation culture", which highlights self-cognition and self-concern phenomenon as new key points.

Key words: understanding, the world of a human, sociocultural reality, knowledge network organization, self-presentations multiplicity.

References

1. Andreeva, G.M. (2009). Social'naya psihologiya: vektory novej paradigmy. [Social psychology: new paradigm vectors] In Yu.P. Zinchenko, T.D. Marcinkovskaya (ed.). *Konstanta v neopredelennom i menyayushhemsya mire: malen'kaya psihologicheskaya serenada k yubileyu G. M. Andreevoj* (p. 376–396) [A constant in an uncertain and changing world: a small psychological serenade to Andreeva's anniversary]. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova.
2. Asmolv, A.G. (2012). *Optika prosveshheniya: sociokul'turnye perspektivy*. [Education optics: sociocultural prospects]. Moskva: Prosveshhenie.
3. Asmolv, A.G. & Asmolv, G.A. (2009). Ot my-media k ya-media: transformacii identichnosti v virtual'nom mire [From we-media to I-media: identity's transformations in virtual world]. *Voprosy psihologii* [Psychological issues], (3): 3–15.
4. Bogomolova, E.I. (2015) *Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik s osobennostyami aktivnosti pol'zovatelej social'nyh setej internet: avtoref... dis. kand. psihol. nauk* [Interconnection between personal characteristics and peculiarities of social network users' activity: the extract from Psychology master's dissertation]. Krasnodar.
5. Vojskunj, A.E. (2010). *Psihologiya i internet* [Psychology and the Internet]. Moskva: Akropol'[Moscow: Acropolis].
6. Gusel'ceva, M.S. (2015). *Kul'turno-analiticheskij podhod k izucheniyu e'voljucii psihologicheskogo znaniya: diss...dokt. psihol. nauk* [Cultural-analytical approach to studying

- psychological knowledge evolution: dissertation of the doctor of psychological sciences]. Moscow.
7. Zaks, L.A. (2015). Ob osobennostyah sovremennoj social'no-gumanitarnoj kartiny mira i nekotoryh ee sledstviyah: protiv radikal'nogo e'mpirizma [On peculiarities of the modern socio-humanistic worldview and some its consequences: against radical empirism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshhestvennye nauki* [News of Ural Federal University. Series 3. Social sciences], 3 (143): 88–101.
 8. Zelenkova, T.V. (2007). O setevoy paradigme v psikhologii [On network paradigm in Psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Psychology methodology and history], 2 (3): 18–27.
 9. Znakov, V.V. (2012). Mnogomernyj mir cheloveka: tipy real'nosti, ponimaniya i social'nogo znaniya [Multidimensional world of a human: types of reality, understanding and social knowledge]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Ser. 14. Psychology], (3): 18–29.
 10. Znakov, V.V. (2014). Teoreticheskie osnovaniya psikhologii ponimaniya mnogomernogo mira cheloveka [Theoretical bases for psychology of understanding of multidimensional world of a human]. *Voprosy psikhologii* [Psychological issues], (4): 16–29.
 11. Kastel's, M. (2000). *Informacionnaya e'poha: e'konomika, obshhestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moskva: GU VShE' [Moscow: State University Higher School of Economics].
 12. Kimberg, A. N. (2009). "Zhiznennyj mir" sub"ekta kak predmet issledovaniya [A person's lifeworld as a research subject]. In A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikova, L. G. Dikaya, Yu. I. Aleksandrov (ed.) *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Psychology of a human in the modern world], V.4. (p. 26–33). Moskva: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
 13. Korbut, A.M. (2004). Obrazovatel'naya sub"ektivnost' i "tehnologii sebya" [Educational subjectivity and "self-technologies"]. In *Universitet kak centr kul'turoporozhdayushhego obrazovaniya. Izmenenie form kommunikacii v uchebnom processe* [University as a center of culture-generating education. The change of communication forms in educational process] (p. 122–134). Minsk: BGU.
 14. Koshovec, O.B., Frolov, I.E'. & Chusov, A.V. (2015). Ontologicheskij analiz otnosheniya teorii i real'nosti v metodologii e'konomicheskoy nauki [Ontological analysis of connection between theory and reality in economic science methodology]. *Filosofiya i obshhestvo* [Philosophy and society], (1): 156–176.
 15. Lapin, N.I. (2000). Sociokul'turnyj podhod i societal'no-funkcional'nye struktury [Sociocultural approach and socio-functional structures]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], (7): 3–12.
 16. Lo, D. (2015). *Posle metoda: besporyadok i social'naya nauka* [After a method: disorder and social science]. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara.
 17. Makarov, V.V. (2004) Ontologicheskaya priroda social'noj real'nosti [Social reality ontological nature]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [News of Volgograd State Technical University], (7): 5–12.
 18. Mudrik, A.V. (2010). *Socializaciya cheloveka* [Socialization of a person]. Moskva: MPSI; Voronezh: MODE'K.

19. Nikolaev, V.G. (1998). Sociokul'turnaya sistema [Socio-cultural system]. In S. Ya. Levit (ed.). *Kul'turologiya. XX vek. E'nciklopediya* [Culturology. XX century. Encyclopedia] V. 2. (p. 224). Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga.
20. Petrova, G.I. (2013). Sovremennyy konstruktivistskij otvet v reshenii klassicheskoy pedagogiko-antropologicheskoy problemy "zaboty o sebe" [Modern constructivist response in solving traditional pedagogical and anthropological problem of "self-concern"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 12 (140): 131–134.
21. Petrovskij V. A. (2010). *Chelovek nad situacijej* [A person over situation]. Moskva: Smysl.
22. Ryabikina Z. I. & Bogomolova E. I. (2015). Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik pol'zovatelej social'nyh setej Interneta s osobennostyami ih aktivnosti v seti [Interconnection between social network users' personal characteristics and peculiarities of their Internet activity]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU* [Scientific magazine of Kuban State Agrarian University], 109 (05): Retrieved from <http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/73.pdf>
23. Savel'eva, I. M. & Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya*. V 2-h t. T. 1: *Konstruirovaniye proshlogo* [Knowledge of the past: theory and history. In 2 vol. V. 1: constructing the past]. Sankt-Peterburg: Nauka.
24. Selivanov, V.V. & Selivanova, L.N. (2015). E'ffektivnost' ispol'zovaniya virtual'noj real'nosti v obuchenii v yunosheskom i vzrosлом vozrastah [Efficiency of virtual reality application in teen-age and adult education]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: XXI century], 1 (9): Retrieved from <http://11121.petrstu.ru/journal/article.php?id=2729>
25. Sokolova, E.T. (2015). Shok ot stolknoveniya s sociokul'turnoj neopredelennost'yu: klinicheskij vzglyad [Shock from collision with sociocultural uncertainty: clinical attitude]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological researches], 8 (40): Retrieved from <http://psystudy.ru>.
26. Soldatova, G.U. & Rasskazova, E.I. (2013). Chrezmernoe ispol'zovanie interneta: faktory i priznaki. [Excessive use of the Internet: factors and features] *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological magazine], 4 (34): 79–88.
27. Stepin, V.S. (2000). *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya e'voljuciya*. [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moskva: Progress-Tradiciya.
28. Suhachev, V. Yu. (1997). *Istoriya bez sub'ekta* [History without a subject]. *Metafizicheskie issledovaniya. Vypusk 3. Istoriya. Al'manah Laboratorii Metafizicheskikh Issledovanij pri filosofskom fakul'tete Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Metaphysical researches. Series 3. History. Yearbook of Metaphysical researches laboratory at Saint-Petersburg State University philosophy department], (3): 28–42. Sankt-Peterburg: Aletejya.
29. Tuchina, O.R. (2013) Samoponimanie lichnost'yu svoej e'tnokul'turnoj identichnosti: sub'ektno-bytijnyj podhod [Personality's self-understanding of an own ethnocultural identity: subject-existential approach]. Krasnodar: Izd-vo KubGU.
30. Fedorov, N.A. (2012). Psihologicheskie potencialy simvola [A symbol psychological potentials]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psihologiya"* [Bulletin of Omsk university. Ser. "Psychology"], (1): 24–30.
31. Frindte, A. & Keler, T. (2000). Publichnoe konstruirovaniye "Ya" v oposredstvovannom komp'yuterom obshhenii [Public self-constructing in mediated computer communication]. In A. M. Vojskunsij (ed.). *Gumanitarnye issledovaniya v Internete* [Humanistic researches on the Internet] (p. 40–54). Mozhajsik: Terra.

32. Fuko, M. (2014). Muzhestvo istiny [Courage of the truth]. *Upravlenie soboj i drugimi II. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu* [Management over self and others. The course of lectures, delivered in the College de France in 1983–1984 academic year]. Sankt-Peterburg: Nauka.
33. Beitel, M., Ferrer, E. & Cecero J.J. (2005). Psychological mindedness and awareness of self and others. *Journal of Clinical Psychology*, (61): 739–750.
34. Cook-Greuter, S.R. (1994). Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults. In M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter (eds.) *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* (p. 119–143). London: Rowman and Littlefield Publishers.
35. DeCicco, T.L. & Stroink, M.L. (2007). A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self. *International Journal of Transpersonal Studies*, 26 (1): 82–104.
36. Frohlich, V. (2005) Sich selbst verstehen? In Bittner G. (Hrsg.). *Menschen verstehen: Wider die "Spinnewebn dogmatischen Denkens"* (s. 35–42). Würzburg: Königshausen & Neumann.
37. Grace, S.L. & Cramer, K.L. (2003). The elusive nature of self-measurement: The self-construal scale versus the twenty statement test. *Journal of Social Psychology*, 5 (143): 649–668.
38. Kekäle, T. (2011). Knowledge sharing among scientists. *Journal of Workplace Learning*, 7 (23): 483–484.
39. Kessel, M., Kratzer, J. & Schultz, C. (2012). Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams. *Creativity and innovation management*, 2 (21): 147–157.
40. Kohansal, M.A., Alimoradi, Z. & Bohloul, S.M. (2013). The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance. *International Journal of Business Performance Management*, 3 (14): 293–306.
41. Luring, J. & Selmer, J. (2012). Knowledge sharing in diverse organisations. *Human Resource Management Journal*, 1(22): 89–105.
42. Nisbett, R.E., Peng, K., Choi, I. & Norenzayan, A. (2001). Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychol. Rev.*, 2 (108): 291–310.
43. Rafaeli-Mor, E., Gotlib, I.H. & Revelle, W. (1999). The Meaning and Measurement of Self-Complexity. *Personality and Individual Difference*, (27): 341–356.
44. Reser, J.P. & Muncer, S. (2004). Sense-making in the wake of September 11th: A network analysis of lay understandings. *British Journal of Psychology*, (95): 283–296.
45. Singelis, Th.M. (1994). The measurement of independent and interdependent Self-construals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 5, (20): 580–591.
46. Yu, D. & Zhou, R. (2015). Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value. *International Journal of Higher Education*, 2 (4): 214–224.